

Н. М. Петровых

КОНЦЕПТЫ *ВОЛЯ* И *СВОБОДА* В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Образ человека многоаспектно реконструируется в разных областях гуманитарного знания. Наиболее обширен и интересен, загадочен и на первый взгляд непознаваем внутренний мир человека, чувственная сфера его бытия. Анализ психологических проявлений, отраженных и закреплённых в языке как знаковой системе, является важнейшим источником культурологической информации о наивной картине мира носителей языка, их обыденном сознании. При этом заметим, что *наивный* не значит *примитивный*, взгляд на мир наивен здесь в том смысле, что во многих существенных деталях он отличается от научной картины мира.

Каждый естественный язык характеризуется определенным способом восприятия и концептуализации мира, в том числе его чувственной стороны. Выражаемые в языке значения складываются в единую систему взглядов, коллективную философию, т. е. национальное самосознание, менталитет. Эти представления в виде стереотипов языкового и, более широко, культурного сознания отражают опыт экстра- и интроспекции десятков поколений на протяжении многих веков, если не тысячелетий.

Концепты *воля* и *свобода* относятся к стереотипам именно такого порядка, они отражают проявления человеческой психики (чувство, состояние). В качестве ключевых слов русской культуры *воля* и *свобода* отличаются смысловым богатством, тесно связаны с социально-культурными аспектами быта и бытия русских. Не случайно нами выбрана именно пара концептов: *воля* и *свобода* особым образом коррелируют в русском языке, на что неоднократно указывали русские философы и филологи Н. Бердяев (1992), А. Хомяков (1992), Д. Лихачев (1984) и др.

В исследовании данных концептов нас интересует не собственно психология (совокупность психических процессов, обуславливающих какой-нибудь род деятельности), а национальная логика и эстетика, отражение народного склада мышления, т. е. то, как конкретный народ (носители русского языкового сознания) улавливает посредством языка конкретный фрагмент мира. Этот особый ракурс, в котором бытие предстает данному народу, и составляет менталитет, т. е. «национальный способ видеть мир и действовать (когнитивно и прагматически) в определенных обстоятельствах» (Колесов, 1991, 106).

Единицами ментальности являются концепты данной культуры, языка, их совокупность образует соответственно «концептосферу культуры» и «концептосферу языка» (см.: Лихачев, 1993, 3). Концепты – это наиболее существенные для данной культуры

смыслы (понятия), включенные в модель ценностной картины мира нации, отраженные и сформулированные в формах национального языка.

Основными подходами в попытке определить саму сущность *воли* и *свободы* и их роль в жизни человека являются философский, психологический и художественно-образный. Эти подходы часто пересекаются, дополняя и обобщая, но не взаимозаменяя друг друга. Основу всех их составляет семантический подход, поскольку любой концепт проявляется и укрепляется в коллективном сознании посредством языка/речи.

В центр исследований концептов закономерно ставится семантика языкового знака. Дело в том, что значения слов являются важнейшими образующими сознания: именно в них дана преобразованная и свернутая в материи языка идеальная форма существования предметного мира, его свойств, связей и отношений (см. об этом: Леонтьев, 1975, 141). Анализ словарного отражения и воплощения концепта необходим, поскольку система дефиниций в словарях дает исследователю культурных концептов нити к познанию сущности народного сознания, специфики наивной картины мира. Интерпретация словарных определений позволяет выявить обобщенный прототип концепта, его содержательный минимум, что создает базу для дальнейшего изучения концепта на основе других методик.

Как известно, слова «воля» и «свобода» полисемантичны. При этом лексико-семантические варианты слова «свобода» так или иначе связаны со смысловым инвариантом, что же касается отдельных значений слова «воля», то здесь совершенно отчетливо выделяются два смысловых инварианта: 1) способность осуществлять свои желания, поставленные перед собой цели; 2) свобода в проявлении чего-нибудь. Нас особенно интересует значение полисемантического слова *воля*, соответствующее смысловой доминанте концепта *воля*, особым образом коррелирующее со значением слова *свобода* и концептом *свобода*.

Согласно лексикографическому анализу слов (на материале толковых словарей русского языка В. И. Даля, Д. Н. Ушакова, С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, четырехтомного и семнадцатитомного академических словарей, толкового словаря конца XX в. под редакцией Г. Н. Складчиковой), интересующая нас семема слова *воля* объединяет семы 'желание', 'выбор', 'власть', 'право', 'свобода = независимость = отсутствие ограничений, стеснений' и определяется как «состояние, характеризующееся отсутствием стеснений, ограничений». Семема слова «свобода» трактуется как возможность проявления субъектом своей воли на основе осознания законов развития природы и общества. Таким образом, значение слова «свобода» содержит в себе сему 'ограничение' (законами развития природы и общества), тогда как «воля» – это полная свобода, связанная исключительно с желаниями и их реализацией.

Сопоставление с лексемой *свобода* показывает, во-первых, принадлежность слову *воля* семы 'отсутствие ограничений'; во-вторых, то, что в определенном контексте лексемы могут употребляться как синонимичные, это в том случае, когда значение слова *свобода* лишается своей семы 'ограничение', 'в рамках'.

Интересно заметить, что современное состояние семантической структуры лексической пары *воля* – *свобода* в целом адекватно исконному. В этимологическом словаре М. Фасмера (1996) находим:

Воля 1 <...> // Связано чередованием гласных с *велеть*, *довлеть*. Родственно лит. *valia* 'воля', лтш. *vala* 'сила, власть', д.-в.-н. *wala* (ж. р.) 'выбор', нов.-в.-н. *wahl* – то же, *wollen* 'хотеть', др.-инд. *varas* 'желание, выбор', авест. *vara* – 'воля, отбор' (I, 347).

Велеть, *велю*; чередование гласных: *воля*, *довлеть* // Родственно лит. *velti*, *pavelti* 'хотеть, позволять' <...> лат. *volo* 'хотеть' <...> др.-инд. *vrnati* 'выбирает себе, что предпочитает' (I, 288).

Свобода <...> // Праслав. *sveboda*, *sveboda* 'свобода' связано с цслав. *svobstvo*, *sobstvo* 'persona', где *svob* от *svoj* (см. свой), т. е. 'положение свободного, своего члена рода', далее сюда же др.-прусс. *subs* 'сам, собственный' ... (III, 582).

Итак, заметим, что лексема *воля*, в отличие от лексемы *свобода*, принадлежит индоевропейскому словарному фонду. В ее лексическом значении интегрированы семы 'желание', 'выбор', 'власть'. В древнерусском языке «*воля*, *волити* – это скорей обозначения усилий разума, предполагающих рациональный выбор между несколькими возможностями» (Гребенщикова, 1998, 51). Значение *воля* – 'свобода' «формируется отчетливо только в старорусском языке, когда социально зависимые люди начинают восприниматься не только как работающие или невзрослые (*рабы*, *холопы*, *чадь*, *детеныши* и под.) по отношению к властному субъекту, но и как прикрепленные, закрепленные, лишенные свободы» (Там же, 56). В. В. Колесов писал по данному поводу: «Говоря о власти и праве... <...> ... а также о личной воле ("своя воля")», русский человек до конца XVI в. не связывал понятие "воля" с независимым состоянием; слово *воля* не было социальным термином» (Колесов, 1986, 56). Что касается лексического значения слова *свобода*, то здесь на первый план выходит сема 'persona', 'сам' ('свой'), но в то же время указывается на «положение <...> своего (NB! – Н. П.) члена рода», т. е. наличие какой-либо общности или общества, среди которой (в котором) может реализоваться «независимость» или «состояние свободного человека». Таким образом, в основном значении современного русского слова *свобода* представлена исконная характеристика: свобода – это наличие внешних условий для реализации воли человека.

В изданном в 1998 году «Толковом словаре русского языка конца XX в. Языковые изменения» под редакцией Г. Н. Складневской зафиксированы лексические единицы *вольница*, *вольняга* (процесс деархаизации и неологизации), но нет слова *воля*.

Вольница, *ы*, *ж*. Публ. 1. О группе людей, игнорирующих общепринятые нормы, правила поведения и т. п., не знающих разумных пределов в чем-л.: *Мог одним словом мгновенно усмирить разбушевавшуюся вольницу гениев – авторов, у которых ничего святого не было и языки распускались до беспредела* (ЛГ, 1991, 1 янв.).

2. Об отсутствии ограничений в чем-л., норм, разумных пределов и т. п. *Исполком йошкар-олинского городского Совета народных депутатов вознамерился обуздать вольницу договорных цен на продовольственные товары* (Труд, 1991, 5 февр.). См.: *Беззакон-*

ние. *Беспредел. Вакханалия. Разгул.* Ср. БАС – 2: 2. ‘Свобода поведения, независимость’.

Вольняга, и, м. ж. Лаг. жаргон = *Вольнонаемный и вольнонаемная; вольняшка.*

Наряду с указанными дефинициями в словаре представлены толкования слов *свобода, свободный*; интересно, что в них не зафиксировано отмеченное выше отличие значений этих слов (наличие семантики ограничения индивидуальной воли личности).

Свобода, ы, ж. 1. Возможность человека действовать в соответствии со своими интересами и целями; отсутствие зависимости: *Акцентируя внимание на возрастании сексуальной свободы женщин, ученые единодушно связывают это явление с изменением их ролевого поведения в условиях современного общества: все больше времени женщины проводят вне дома и имеют больше возможности для общения* (ЧП, 1991, 9 сент.).

2. Отсутствие ограничений, запретов. Духовная с. С. мысли. *Мы уже испили напиток свободы весной ...* (Там же, 21 янв.); *Средства связи с подвижными объектами фирмы «Сименс» представляются не просто очередным достижением технического прогресса. Это порыв к еще одной степени свободы* (ВВ, 1992, № 4).

Свободный, ая, ое. 1. Самостоятельный, не зависящий от кого-, чего-л.; располагающий собой по собственному усмотрению: *Квазилабораторные условия опыта позволили ему [Бодлеру] с несравненным блеском продемонстрировать ту истину, что совершаемый человеком свободный выбор самого себя полностью совпадает с тем, что принято считать его судьбой* (ОГ, 1993, 9 дек.).

2. Не стесненный ограничениями, запретами, беспрепятственный: *Закон о свободной прессе; Открыта свободная подписка на бюллетень.*

Таким образом, по данным Толкового словаря под редакцией Г. Н. Складчиковской в конце XX века в большинстве контекстов лексемы *воля* и *свобода* употребляются как синонимы. Не отрицая возможности синонимичного употребления названных слов, выразим сомнение в том, что этим исчерпывается соотношение их значений. Проведенный автором данной статьи психолингвистический эксперимент показал, что изначально присущая значению слова *свобода* сема ‘ограничение’ осознается носителями русского языка и сегодня. Другое дело, что только 43 % информантов (общее число составило 200 человек) ощущают четкую семантическую границу этих слов, а 41–56,3 % испытуемых (по совокупным данным всех экспериментов) отождествляют значения данных слов, определяя этот синонимичный смысл как «возможность действовать по своему желанию» или «возможность реализовать свои желания, цели».

Интересны результаты ассоциативного эксперимента. **Воля**, отождествляемая со *свободой*, ассоциируется у русских с небом, полетом, простором, ветром, птицей, пространством, светом, счастьем, жизнью, стихией, раздольем (это об-

щее ассоциативное субполе слов, содержащее сему 'пространство', связанное с природой и стихией). *Свобода* ассоциируется с деньгами, законом, равенством, братством, творчеством, демократией и включает такие смыслы, как 'независимость', 'выбор', 'ответственность', 'право человека'. *Воля*, понимаемая как «психическое свойство индивида, его способность осуществлять свои желания, стремления, цели», ассоциируется с силой, независимостью, характером, поступком, упрямством, решением.

При анализе фрагмента эмоционального мира человека трудно переоценить возможности ассоциативного эксперимента, так как именно он позволяет эксплицировать такие составляющие плана содержания, как эмоция 'субъективное оценочное отношение индивида к определенному предмету или явлению, обладающее качеством и интенсивностью' и чувство 'эмоциональное состояние, равное совокупности x числа эмоций, переживаемых индивидом некоторое время, т. е. характеризующееся продолжительностью и направленностью на конкретный объект'.

По данным такого эксперимента оба слова имеют доминирующую положительную оценочность; отрицательная оценка в лексическом значении слова «воля» связана со стихийностью проявления воли (*произвол, беззаконие, разгул, безответственность* «свобода» – ассоциации на слово-стимул *воля*), в лексическом значении слова – с «переизбытком» самой свободы (*одиночество, безнадега, ненужность* – ассоциации на слово-стимул *свобода*). Что касается эмотивности, то она в полной мере присуща *воле*, это подтверждается такими ассоциациями на данное слово-стимул, как *разгул, рубаха, раздолье*, а также ассоциациями с обобщенными представлениями из области психологического мира человека: *желание, стремление, радость, мощь, сила*. В психосемантической интерпретации, в отличие от лексикографической, концепт *воля* характеризуют следующие смыслы: 'действие', 'энергия', 'напряжение'; *свобода* также функционирует в поле деятельности, хотя вектор приложения сил здесь другой (но не противоположный): не в сторону стихии, неупорядоченного группового взрыва «самореализации», как в случае концепта *воля*, а в сторону индивидуальной самореализации, само-вращения, акта творчества. Но об этом ниже. Вернемся к ассоциативному полю с именем *воля*. *Разбойники, ветер, небо, простор, поле, степь, воздух, вольная душа (!), крестьянин, мощь, Пугачев, личность, беззаконие* и др. – все это ассоциации на слово-стимул *воля*, и все это ключевые слова ситуации вольницы, русского бунта с его вожаком (*личность, Пугачев*), участниками (*разбойники, крестьяне*), характерным для него топосом (*простор, степь, поле*) и другими составляющими. Такой набор ключевых слов обнаружен и в романе В. Шукшина «Я пришел дать вам волю» о бунте Степана Разина и в историческом труде

А. Пушкина «История Пугачева» о восстании под предводительством Емельяна Пугачева («Разин и Пугачев – характерно русские фигуры», – писал Н. Бердяев), что позволило выявить и описать ментальный сценарий русского бунта. Дело в том, что *воля*, являясь ценностной доминантой русского бунта, выступая в качестве его цели и одновременно первоначала, имеет собственный ментальный сценарий.

Сценарий понимается нами как некое лингвокультурологическое построение, модель фрагмента реальности, обладающая этнокультурной спецификой и культурной значимостью. Анализ сценария предполагает выявление параметров событий, их основных признаков: ролевой структуры, динамики действия (сюжета), хронотопа. Но прежде чем обозначить некоторые положения, связанные с культурно-языковым воплощением русского бунта, обратимся к интерпретации культурно-психологического концепта *воля* В. Шукшиным – языковой личностью, «творцом культурных ценностей», представителем русской национальной культуры. Заметим, что мы взяли роман В. Шукшина за основу, а все другие источники материалов привлекались как позволяющие контролировать объективность и правильность наших выводов и заключений и выйти на уровень русской национальной картины мира в целом, вмещающей в себя и языковой, и психо-семантический, и художественный образы избранных концептов.

В. Шукшина по-особому остро волновала тема воли, русского бунта; и личность Степана Разина для него – средоточие национального характера: Разин – правдоискатель, несущий людям волю и понимающий ее как свободу от угнетения и как внутриличностную свободу. В понимании В. Шукшина, *воля* – это не только освобождение от социального гнета, но главным образом раскрепощение души, конечным итогом которого может стать обретение внутренней духовной свободы. *Воля* ощущается конкретно-чувственно («болезненное щекоющее раздражение»), проявляется как непреодолимое стремление, желание сделать что-то «ненормальное» (по Шукшину, «вывихнуться»), а порой как языческое экстатическое своеволие. Не случайно праздник в художественном мире Шукшина – категория особо значимая, он предполагает момент единения, когда раскрывается потаенная жизнь души человека. Широкие пространства: степь, Дон, Волга, а также праздник и связанные с ним гульба, веселье, разгул, песни, – это тот коннотативный фон, на котором ощущается воля как состояние сознания личности.

Сценарий русского бунта, воплощенного в романе В. Шукшина «Я пришел дать вам волю», а также в привлеченной как сопоставительно-сравнительный материал «Истории Пугачева» А. Пушкина (для сопоставления использовались также исторические и философские источники), включает в себя несколько позиций.

Структура ролей сценария бунта предполагает наличие двух противоположающихся сил: с одной стороны, бунтующие; с другой – «владыки», «каратели». Изучение текстовых парадигм, включающих маркеры – номинации указанных выше сил – в социолингвистическом аспекте позволило выявить соответствующие ряды социальных ролей и статусов (роль как динамический аспект статуса). Так, предводитель бунта выполняет социальную роль заступника («надежи»), при этом имея статус «бабки» («отца»), «вожака» и даже «бога». Этот ряд ролевых и статусных маркеров дан с точки зрения народа и автора, во многом разделяющего взгляд бун-

товпищиков. Ряд характеристик с точки зрения владык указывает на «богоотступничество», «измену» и «злодейство» вожака бунта, С. Разина.

Вожак действует в соответствии с социальными ожиданиями (экспектациями). Его появление закономерно в ситуации бунта, и фактор ожидания народом силы, личности, которая поведет за собой массы первозначим. Вожда – идеологическое производное народа, в то же время он должен обладать заданными свойствами характера и мышления: умением управлять войском, предприимчивостью, стремительностью, быстротой, молодечеством, дерзостью, решительностью, силой, безудержностью и др., а также соответствующим речевым поведением – кратким, энергичным, воздействующим словом. Вообще же, заметим, это свойства русского национального характера.

Образ Степана Разина имеет, безусловно, идиостилевое, собственно шукшинское воплощение. Степан Разин – тот, кем овладела идея воли (одержимость), став его *alter ego*. Воля всегда в сердце бунтаря, для него это категория постоянного состояния и жизненной необходимости. Только в том случае, если воля становится центром жизненных интересов вождя, а потом и народных масс, возникает бунт. Вообще же воля – категория психо-эмоционального переживания, и субъект воли – не каждый русский.

В понимании В. Шукшина, русская воля граничит с языческой «безумной» стихией и проявляется подчас в своеволии, становясь нередко чьим-либо произволом, она беспредельна и безгранична. Утопичность такого представления предопределяет драму русского бунта. Желание бунтовщиков обрести волю, понимаемую как отрицание власти, иллюзорно, – именно такая ситуация, по В. Шукшину, соответствует национальному духу русского, его природе. Поэтому глобальный по целям русский бунт обречен стать кровавым пиром, закончиться казнями и возвращением к старому положению дел.

Те, кто идет за вожаком – группа бунтующих, она состоит из крестьян и казаков. Между единицами-номинациями соответствующих текстовых парадигм обнаруживается семантическая оппозиция, указывающая на антонимичные ролевые статусы крестьян и казаков: «рабы», «клеименные», «бесправные» – «свободные», «независимые» (соответственно). Итак, ролевой статус одной части бунтовщиков – те, кому требуется защита, избавление от социального рабства; ролевая же функция другой части бунтовщиков, казаков, – это защита казацких вольностей, освобождение от социального рабства, движущая сила бунта. Поэтому бунт, начинающийся как узкоказацкое движение, перерастает в общенародный.

Противоборствующая всем бунтовщикам сила – государство. Она представлена в лице бояр, царя, попов, воевод, карательных властей. Текстовая парадигма ролевых номинаций с заглавным именем «владыки» («угнетающие») включает маркеры только инвективного характера, указывающие на обман («змеи», «лизоблюды»), жадность («свинья ненасытная»), чванство и жестокость по отношению к людям («собаки, кровопивцы»). Социальный статус угнетающих – люди у власти, владыки, и их ролевые функции подменяются функциями, позволяющими им преследовать собственные выгоды.

Таким образом, система номинаций позволяет выявить скрыто прогнозируемые сюжетные повороты, сущность конфликта и его причины. Так, исход бунта во многом предрешен сущностью той силы (государство, вла-

дыки), против которой выступает Разин и народные массы: эта сила непобедима.

Кратко обозначим поступательные шаги развития, *динамику действия (сюжет)* сценария бунта:

- в основе лежит выступление казаков, защищающих бывшие вольности;
- появляется предводитель бунта, вождь, вожак, оправдывающий ожидание масс, это человек, пришедший дать волю народу;
- бунт выходит за пределы казачьего, становясь общенародным;
- следующий событийный поворот означен захватом крепостей и городов, расправой с лихоимствующими притеснителями, одним словом – отмищением, воля проявляется в насилии;
- через некоторое время у бунтующих рождается догадка, что все «рассыпается прахом», «ничего прочного за спиной нет»;
- приближение к краху стремительно и мгновенно (причем исход бунта предreshен с самого начала);
- вера в вождя утрачивается из-за совершенной им оплошности или вины (бросил мужиков на гибель, предательство);
- попытки изменить ход событий не приводят к каким-либо позитивным результатам;
- в итоге – крах бунта, пленение вождя.

Однако финал бунта в романе В. Шукшина по сути амбивалентен: во многом это не только крах, но и победа. Разин не устрасился смерти, достиг абсолютной свободы духа (воля как этап в обретении истинной свободы!) и сохранил ее перед лицом смерти, Разин верил, что «дал людям волю». Такая интерпретация событий, безусловно, специфика понимания образа Степана Разина В. Шукшиным, но данное идиостилевое воплощение не изменяет структуры и сценария бунта в целом, как показывает анализ «Истории Пугачева» А. Пушкина и изучение исторических работ (см., например: Лунин, 1971; Соловьев, 1994).

Сценарий бунта в романе В. Шукшина находится в ближайшей соотносительности с природно-естественной организацией мира – огнем, водой, землей, небом, а его развитие соответствует темпоральному природному циклу. Все это позволяет говорить о *хронотопе сценария* бунта как о хронотопе природы. Циклическое время, в основе своей восходящее к сезонным, календарным циклам, определяет развитие бунта: пробуждение бунтующих сил (утро/весна), борьба за волю (день/лето), разгром бунта (сумерки/осень), казнь Разина (ночь/зима). Таким образом, обретение воли предполагает и ощущение органической связанности с природой: человек – часть свободной природы.

Итак, *воля* для русских – это внутриличностная константа, душевное состояние, завладевающее человеком как колоссальный по силе порыв, ведущий к стихийно-бессознательным поступкам и отрицанию всяких пределов и границ. Воля переживается конкретно-чувственно, со всей интенсивностью, мощью своей энергии и своего эгоизма. Крайним моментом проявления такой воли и является русский бунт.

А что же для русских свобода? Есть ли у нее свой ментальный сценарий?

Воля и свобода – частный случай оппозиции «свое» – «чужое», где воля – это изначально концепт русского сознания, а свобода – европейского.

Свобода – один из главных вопросов европейской философии (в том числе и русской), осознание и толкование которого наиболее полно осуществлено в классической немецкой философии – в трудах И. Канта, И. Фихте, Г. Гегеля и др.

И. Кант (1965) говорит, что человек поступает необходимо в одном отношении и свободно – в другом. Человек поступает необходимо, поскольку он своими мыслями, чувствами и желаниями есть «явление» среди других «явлений» природы и в этом отношении подчинен необходимости, господствующей в мире явлений. Но тот же человек есть также и нравственное существо, субъект нравственного сознания. Как нравственное существо он принадлежит уже к миру умопостигаемых «вещей в себе». И в этом качестве человек свободен. Нравственный закон И. Кант понимает как безусловное предписание, или «категорический императив». Закон этот требует, чтобы каждый индивид поступал так, чтобы правило его личного поведения могло стать правилом поведения для всех, чтобы человечество в твоём лице и в лице любого другого всегда было целью, а не только средством.

В «практической» философии И. Фихте (1993) – в его этике, учении о праве и государстве, о воспитании – центральным понятием является «свобода». Это понятие складывалось у И. Фихте под непосредственным влиянием событий Французской революции 1789–1794 годов. Теоретически это понятие было подготовлено этикой И. Канта и социальными идеями Ж.-Ж. Руссо. Как и Б. Спиноза, он признает, что воля (психическое свойство) человека и вся его духовная деятельность вообще детерминированы, так же как и физическая природа человека. Человек подчинен закону причинной обусловленности не только как часть или явление природы, но и как субъект гражданской истории. Однако всеобщий характер необходимости, действующей в истории, не исключает, по И. Фихте, возможности свободы. Свобода состоит не в упразднении естественной и исторической необходимости, а в добровольном подчинении ей, основанном на познании этой необходимости.

Предшественниками этой мысли И. Фихте (познание необходимости как условие свободы) были стоики в античности, а в философии XVII в. – Б. Спиноза. Но Б. Спиноза рассматривал свободу как достояние мудреца, а И. Фихте ставит вопрос о свободе исторически; он полагает, что существуют различные степени свободы, обусловленные различиями исторических эпох. И самой совершенной эпохой в будущем И. Фихте видит эпоху искусства, где будут торжествовать Разум и Свобода, понимаемая как творчество, когда человек творит себя и свою жизнь, словно произведение искусства (высшее развитие нравственного духа).

Г. Гегель (1977) изображает историю человечества как прогресс в сознании свободы, которая, по его мнению, составляет внутреннюю природу человека, но лишь постепенно, на протяжении многовековой истории, осознаётся человеком, благодаря чему он и действительно становится свободным. Г. Гегель полагал, что расы и нации образуют различные ступени и степени самоопределения «абсолютного духа», сущностью которого является свобода. Исследуя человеческие возрасты, Г. Гегель приходит к выводу, что выступление личности против существующих общественных порядков представляет собой юношеское увлечение, которое исчезает вместе с переходом к зрелому возрасту. Взрослый человек, мужчина, заинтере-

ресован в сохранении существующего порядка. Г. Гегель понимает свободу преимущественно как свободу духа, мысли, интеллектуальную свободу личности (свобода превыше жизни).

Таким образом, свобода – это свойство внутренней сферы человека, оно предполагает сохранение собственного «я», постоянное развитие себя как личности, самосовершенствование, что воплощается в сценарии свободы, т. е. в акте творчества как таковом или творчества собственной жизни, отношений, развития и совершенствования духа.

Русские не то чтобы заимствовали идею свободы – они заимствовали само оформление мысли, которая издревле существовала на Руси, будучи непосредственно связанной с православием, верой, духом (из триады тело – душа – дух), ликами старцев и духовными подвигами. Свобода – это сущность человека, а последнюю определяет дух. Эта линия продолжена русской философией Серебряного века, работами В. Соловьева, Н. Бердяева, Л. Шестова и др.

Таким образом, *свобода* – это состояние духа (мы не подразумеваем здесь социально-правовой свободы), *воля* – это состояние души. Воля заглаживает человеком, что проявляется в его стихийно-бессознательных поступках, в отрицании каких-либо пределов, границ, крайним моментом проявления воли является русский бунт.

Воля переживается конкретно-чувственно, со всей интенсивностью, мощью своей энергии и порывов. Воля – это исключительно (!) и только (!) моя (!) свобода. При этом «свое», «родное» для русских – это воля, а не свобода. В последнее время репрезентирующие данные концепты слова нередко употребляются как полные синонимы, но это свободу «приравняли» к безудержно-стихийной воле, а не волю к «правовой» и духовной свободе.

Воля для русских – это безграничный простор, как личностно-пространственный (свобода действий, поступков), так и объективно-пространственный (отсутствие тесноты, простор, ширь). Она очень тесно связана с природным хронотопом, топосом России. Свобода же вне категорий пространства и времени. Это иное бытие – духовное, творческое – где действуют до некоторой степени другие законы.

Воля – это воплощенная идея движения, это готовность к действию, особая мобилизованность, энергический подъем, действие, пусть даже потенциальное. Свобода тоже предполагает деятельность, но и сфера деятельности, и вектор приложения ее сил по сравнению с волей иные, хотя и не противоположные: свобода направлена на созидание.

Воля – это и покой (как это ни парадоксально при постоянной ее составляющей – движении), вернее, это гармония, общее равновесное состояние мира, когда у отдельного индивида «не болит душа». И покой, и идея движения непосредственно соотнесены с праздником как моментом воли, прорывом души из «тесноты», «тоски» в простор. В этом смысле свобода сродни воле, так как в конечном итоге цель свободы – гармония как (и прежде всего) внутреннего мира человека, так и мира вне его, а гармония предполагает покой и праздник души.

Воля ассоциируется с праздником как радость, и в то же время это не благо, а скорее псевдоблаго, потому что она связана с произволом, разгулом, нарушением закона, беспределом. Воля, понимаемая как полное отрицание власти, – мираж и иллюзия. Утопическое желание обрести пол-

ную и совершенную свободу, реализуясь в русском бунте, показывает собственную несостоятельность. При этом подчеркивается право и возможность человека обрести высшее благо – духовную свободу. ВОЛЯ же нужна, необходима как этап на пути к истинной внутренней свободе. Перефразируя А. Пушкина, без воли нет и свободы.

- Бердяев Н. А. Душа России // Русская идея / Сост. и авт. вступ. ст. М. А. Маслин. М., 1992.
- Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа / Отв. ред. Е. П. Ситковский. М., 1977.
- Гребенщикова Н. Понятие *воля* в русском языковом сознании // Вопросы функциональной грамматики. Гродно, 1998.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1889.
- Кант И. Сочинения: В 6 т. Т. 4, ч. 2. / Под общ. ред. В. Ф. Асмуса и др. М., 1965.
- Колесов В. В. Жизнь происходит от слова ... СПб., 1999.
- Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986.
- Колесов В. В. Отражение русского менталитета в слове // Человек в зеркале наук. Л., 1991.
- Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. М., 1975.
- Лихачев Д. С. Заметки о русском. М., 1984.
- Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1993. Т. 52, № 1.
- Лунин Б. В. Степан Разин: Краткий исторический очерк. Ростов, 1971.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 1999.
- Пушкин А. С. История Пугачева // Пушкин А. С. Собр. соч.: В 15 т. Т. 12. М., 1998.
- Словарь русского языка: В 4 т. М., 1981.
- Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.: Л., 1950.
- Соловьев В. М. Анатомия русского бунта: Степан Разин: мифы и реальность. М., 1994.
- Толковый словарь русского языка конца XX в.: Языковые изменения / Под ред. Г. Н. Складневской. М., 1998.
- Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М., 1996.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. СПб., 1996.
- Фихте И. Сочинения: В 2 т. / Сост. и примеч. В. Волжского. СПб., 1993.
- Хомяков А. С. Записки о Всемирной истории. М., 1971.
- Шушкин В. М. Я пришел дать вам волю // Шушкин В. М. Я пришел дать вам волю: Роман. Повести. М., 1991.

И. Т. Вепрева

ЧТО ТАКОЕ РЕФЛЕКСИВ? КТО ОН, *НОМО REFLECTENS*?

В условиях кардинальной смены социально-экономических устоев государства, когда интенсифицируется психическая и интеллектуальная деятельность языковой личности по обновлению и перестройке концептуального мира, языковой картины мира, наблюдается и смена речевого поведения индивида. В современной публицистической речи мы отмечаем обострение языковой рефлексии носителя языка, которая проявляется в актах вербализации метаязыкового сознания. Языковая личность в речемыслительной деятель-

© И. Т. Вепрева, 2002

